

После / рассказ

Category: Некаýалар, Кітарсу

написано кітарсу | 24 января, 2025

После / рассказ ПОСЛЕ

В просторной ярко освещенной гостиной оборвались все звуки, настала тишина. Неудобный немой вопрос, обращенный ко мне, повис в воздухе. Старшая сестра одновременно цепко и со страхом уставилась мне в глаза. Она замерла, не дышала, почти перестала моргать и долго-долго что-то во мне высматривала. Сестра смотрела так, будто бы за моим лицом было что-то еще, и, если не спустать с него глаз, оно могло бы раствориться, и там за ним ей открылся бы ответ. На мне был розовый махровый халат с сердечками и две пары носков – синие пухлые следки вниз и сиреневые шерстяные гольфы в катышках вверх.

Большие глаза сестры заблестели, лицо покраснело, рот слегка открылся, а по щекам побежали крупные, размером с горошину, слезы. В комнате было слышно, как тикали вечные советские часы с запотевшим барометром, как на кухне из плохо закрытого крана капала хлористая вода на тарелки, как за стеной у соседей шумел телевизор – шел очередной концерт.

Сестра вышла из комнаты и стала кому-то звонить. Ловя обрывки разговора, я поняла, что она сообщила моей дочери, и та наверняка скоро появится здесь. Сестра в разговоре много раз громко называла ее имя, я слышала: «Вера», «да, я уверена», «нет, скорую поздно».

Вытирая слезы большими оплывшими ладонями, сестра еще раз зашла в гостиную. Теперь она избегала смотреть мне в глаза, глядела только на мои руки, живот, остановилась взглядом на ногах, и вышла из комнаты, оставив включенной шестнадцатицокольную хрустальную люстру.

В ночь вкрадывались фонари и редкие светящиеся окна, как мое. Один из фонарей вдали мигал уже который месяц. Там, рядом с ним, наверное, не могли уснуть соседние дома. На улице из-за

угла мягко выворачивала машина, освещая на несколько секунд разбитый двор.

В комнату, рыдая, пронесясь через тамбур и прихожую, влетела Вера, старшая дочь. Она залезла на меня сверху и, взяв меня у груди за халат, с силой стала трясти. «Очнись, очнись, очнись, очнись», – оглушая, орала она мне в лицо. «Не мучай ее!» – мечась по комнате, впиваясь руками в свои густые седые волосы, кричала сестра. Дочь отпустила меня, дав себе отдышаться. В ее глазах проскользнула идея, она вновь схватила меня и второпях попыталась сделать дыхание «рот в рот». Она жмурилась, будто ей было неприятно прикасаться к моим губам, но все равно настойчиво пыталась наполнить меня воздухом. Воздух куда-то проходил, но бесполезно падал в пустоту. Вера отодвинулась от меня, молча задав мне все тот же неудобный вопрос, и, увидев ответ в моих глазах, в испуге спрыгнула с дивана.

Они обе – сестра и дочь – снова куда-то звонили. Звонили и звонили. Ночь тянулась неприлично долго, надоедала. Визжали телефоны, им перезванивали. Они то с истерикой срывались на плач, то наигранно говорили спокойным твердым голосом. Говорили, что надо меня забрать.

Через их тревожный шум просверлил себе путь противный звонок в дверь. Мои переглянулись и зашептали, что пришел полицейский. Тяжелый от своей полноты, он вальяжно прошел ко мне в гостиную. Полицейский лишь на секунду взглянул на меня. Затем зашли понятия, наши соседи Ефремовы. Ефремов бросил в мою сторону жалостливый взгляд. Ефремова, отвернувшись, рыдала и никак не могла на меня посмотреть. Полицейский пошуршал какими-то документами, собрал подписи, и вышел из квартиры вместе с понятиями.

Еще звонок. В квартиру зашел мужчина лет пятидесяти, за ним – молодой парень. Мужчина был большой, высокий и какой-то очень красивый, с добрым бородатым лицом и густыми едва седыми волосами. Худой парень чем-то смахивал на него. Встав в дверях, на меня они только бросили взгляд. Говорили с сестрой.

Пятидесятилетний говорил спокойно, все объясняя и переспрашивая, поняла ли его сестра. Дочь рядом слушала и плакала, вытирая рукавом бадлона то слезы, то сопли. Мужчины зашли в гостиную, оглядели диван и спросили, можно ли взять меня вместе с простыней.

Молодой подошел, взяв меня под ноги, просунул руку под лопатки и уложил на спину. Быстрыми, аккуратными движениями, он вытянул простыню, заправленную в диван. Вдвоем они взялись по два уголка и подняли меня. Простыня закрыла мне лицо. Ночь, перерастающая в утро, перестала тянуться, начала торопиться, бежать. Пока меня несли, сквозь щелочки было видно потолок с осыпающейся штукатуркой, голову сестры и мокрые глаза старшей. Мы прошли через первую дверь – из гостиной в прихожую. Вторую – из прихожей в тамбур. Третью – на лестничную площадку.

Сестра пошла проводить, пытаюсь все как-то помочь, не дать меня случайно стукнуть об угол. Нажали на металлическую кнопку, вызвав знакомый звук лифта: густой гул и скрежет металла до пятого этажа, затем легкий свист на шестом, а вот и мой, седьмой этаж. Я легко поместилась, носильщики дали мне немного прогнуться в простыне, как в гамаке. Лифт был наполнен раздражающим желтым светом, с пола и стен, залепленных рекламой, бил в нос запах неотмытой мочи. Сестра, спохватившись, подбежала, протиснула руку в простыню и закрыла мне глаза. Захлопнулись двери. Первый этаж. По лестнице меня пронесли головой вниз, затем выпрямили. Дверь на улицу. Еще лестница, снова вниз головой.

На улице было около нуля. Влажный зимний воздух быстро пролез под мой махровый халат, и тело стало понемногу остывать. Красивый мужчина, взяв уголки простыни в одну руку, открыл дверь большой машины. Меня положили на какую-то подложку, прижали немного с боков тяжелыми коробками, закрыли. Внутри было не так холодно, остывающий мотор машины делился теплом. Сразу в машину они не пошли, стояли, курили.

Отрезки прямых отремонтированных дорог сменялись разбитыми. По

изрытым дорогам, с которых давно сполз асфальт, ехать было тяжело – меня раскачивало то в одну, то в другую сторону. Машина рычала, машина кряхтела; мужчины о чем-то болтали, иногда смеясь, а я, завернутая в домашнюю простынь, лежала молча. Мы остановились и куда-то медленно заехали.

Бородатый красивый открыл дверь, и двое других, новых, схватили меня вместе с гамаком-простынью. Молодые, лет до тридцати по голосу, внесли меня внутрь двухэтажного здания, пропахшего чем-то медицинским. Опять шуршали бумажки, несколько раз называли мое имя и возраст: «Александра. Шестьдесят два года». Один из молодых обратился ко мне: «Что же ты, Александра, так рано к нам пришла?» Меня быстро и умело раздели. Спиной я чувствовала холодный металлический стол, будто лежала на огромном стальном ноже. На руку повесили бумажку. «Александра, Александра», – напевал другой парень.

Каждые пару часов кого-то привозили, оформляли, убирали в шкаф. Я думала о своей работе на складе, там тоже постоянно что-то привозили, оформляли и убирали. Потом долго никто не приезжал, парни включили телевизор. Один за другим они переключали каналы, на многих из которых радостные ведущие уже пили кофе и желали доброго утра.

«Рано утром на рассвете умываются мышата», – разбудил меня кто-то другой. Голос его был старше и казался слегка хриплым. Выкашлявшись, он продолжал свое выступление: «Всегда и везде – вечная слава воде!» Он быстро вымыл меня, тщательно обтер. Затем покрасил мне брови, глаза, зачем-то скулы. Скрепил клеем полуоткрытый рот, веки. Начал одевать. Мой васильковый костюм с юбкой, когда-то купленный на сорок пятый день рождения, был разрезан сзади. Хриплый зашебуршил упаковкой от колготок. «Вуаля!» – подытожил он.

Вдвоем с другим они подняли меня и положили в недавно привезенный прохладный гроб. Надо мной еще немного похлопотали, поправили волосы, одежду, украсили искусственными цветами незаполненную площадь вокруг. Гроб закрыли крышкой,

один за другим прозвучали четыре щелчка.

Слыша приглушенные голоса извне, я догадалась, что за мной снова приехали тот бородатый красивый и худой молодой. Меня подняли, вынесли из здания и погрузили в знакомую машину.

Все уже давно проснулись. Обгоняя машины, застревая в пробках и нервозно сигналив, спешили на работу. Кто-то резко тормозил, кто-то на кого-то кричал. В кабине моих водителей по радио Адриано Челентано пел: «Интантоль темпо синева енон тисенти пью бамбина».

Машина свернула направо, остановилась. Мужчины вышли, не спеша открыли багажник и встали покурить. Мужчина повзрослее ругался на молодого, чтобы тот не бросал бычки на территории церкви. Меня внесли внутрь. Тугой звук четырех щелчков. Открыли крышку. Церковь пахла как обычно церковью – духотой, лампадным маслом, воском и ладаном.

Первые шаги. Кто-то зашел молча, неторопливо начал поджигать фитильки свечек, расставлять их. Еще шаги. Еще. Людей вокруг становилось больше, но они все молчали, и только шептали изредка, так тихо, что было не разобрать слов. «Уже привезли?» – слышалось сверху. Зашел еще человек и вскрикнул молодым звонким голосом. Младшая, это ты?

В гроб мне стали класть цветы. Кто-то все подходил и перекладывал их. Кто-то склонился и поцеловал меня в лоб, кто-то рядом стал нашептывать молитву, кто-то тихо плакал. Подошла младшая, Соня, и все повторяла «мама, мама», время от времени срываясь на плач, зажимая рот рукой, чтобы не закричать. Она отошла, но быстро вернулась ко мне, дотронулась до моего василькового пиджака, будто бы через прикосновение она могла осознать, я ли это перед ней. «Мама, мама...» – называя меня мамой, она тоже силилась что-то понять.

Вошел батюшка и, словно перед учителем в школе, все замолчали. По деревянному скрипучему полу, тихо постукивая каблуками, вошло еще несколько запоздавших гостей, остановившись поодаль от меня. Все вокруг плакали, уже громче, но помалкивали, и слушали батюшку, а он читал молитву, раскачивая в руках

кадило. Батюшка подозвал младшую дочь, тихо указывая ей, что надо сделать – иконку вложить мне в руки, затем на кладбище посыпать меня землей из врученного ей кулька. Втискивая иконку между моих закаменевших ладоней, Соня дотронулась до моего холодного пальца, и сразу убрала руку, пытаюсь закончить, не касаясь меня.

После обряда все снова начали подходить ко мне. Один поцелуй в лоб, другой, третий, кто-то поцеловал в щеку. «Ты смотри, помадой не измажь», – строго указывала одна коллега с работы другой. Те, кто не успел, докладывали мне в гроб цветы. Подошли носильщики и быстро закрыли гроб, щелк-щелк. Кто-то пожаловался, что не успел попрощаться. «На кладбище прощаетесь», – проговорил носильщик. Меня быстро подняли, убрали в машину и закрыли за мной дверь.

Водитель круто рулил то вправо, то влево, объезжая ямы. Было слышно мягкий превращающийся в грязную кашу снег, он прилипал к асфальту и шинам; было слышно редкое карканье ворон; было слышно серую сырую зиму, небогатую на звуки жизни, притупленную, будто оглушенную по голове.

Зад машины вихлял, мы куда-то свернули. Остановились. За нами ехало много. Подъезжали остальные, хлопали тяжелыми металлическими дверями, пищала сигнализация.

Для нового кладбища вырубил сосновый лес, остатки которого забором ограждали могилы. Здесь на кладбище все говорили уже в полный голос, никто не шептал, никто пока не плакал. Тот красивый, что пришел к нам домой три дня назад, и дочь Соня стояли подле закрытого гроба. Он назвал цену за работу, она сунула ему деньги. Соня подошла к закрытому гробу, плакала, гладила его рукой, и все кроме «мама, мама» ничего не могла сказать.

Меня поставили поближе к вырытой могиле и открыли крышку, впусив внутрь ледяной воздух. Звали прощаться тех, кто не успел. Пропитым басом бывший муж твердил моей сестре, что всю жизнь меня любил. Рядом дочери наливали водку, сок,

раскладывали пирожки и конфеты. Они рассказывали, что заказали мои любимые пирожки – одни с рисом и яйцом, другие с капустой. Конфеты тоже – чернослив и курагу в шоколаде.

Меня опять начали целовать, шептать на ухо «Сашенька, пока», «Саша, так рано», «как мы без тебя», «пусть земля тебе будет», «сестренка», «мама, мама», «красавица наша».

Из гроба попросили достать все цветы. Из ног моих забрали кулек с освященным песком. Меня накрыли тонкой узорчатой тканью. Сверху дочери в виде креста вместе насыпали церковную землю.

Надо мной подняли крышку и, опуская, придавили холодный кладбищенский воздух. Щелк-щелк. Меня опять подняли, опять понесли, опять опустили, но теперь вниз, внутрь, в могилу.

По крышке стучал падающий сверху песок. Стук становился громче – подошли копатели, быстро работая лопатами, они зарывали меня сверху. Земля надо мной становилась плотнее. Звуков было все меньше, уже было не разобрать ни слов, ни движений. Замкнутая в небольшом темном пространстве, я осталась наедине с тишиной. Я умерла.

Об авторе: ТАТЬЯНА ЮН

Прозаик. Окончила Санкт-Петербургский государственный экономический университет по специальности «Финансы и кредит». Публиковалась на портале «Такие дела», ostrota.media, журналах «ПЛУГ», Mother Muse, в четвертом выпуске альманаха «Пашня» Creative Writing School. [Hekaýalar](http://hekaýalar.com)